

Споры вокруг «Бронзового солдата»»

Психологические
корни конфликта
в свете memory studies

Андрей Дахин

*«Преславная, прекрасная статуя!
Мой барин, Дон Гуан покорно просит
Пожаловать...»*

А.С. Пушкин («Каменный гость»).

Конфликтное поле памятника

Обстоятельства конфликта в Таллине в связи с переносом памятника советским воинам являются знаковыми в нескольких отношениях. Во-первых, они связаны с событиями, происходившими более чем 60 лет назад. Во-вторых, они оказались эпицентром одного из громких гражданских и политических конфликтов 2006–2007 гг. В-третьих, они послужили фактором внутривнутриполитической борьбы (за депутатские мандаты) в Эстонии. В-четвертых, они превратились в источник напряженности в отношениях между двумя странами — Россией и Эстонией. Наконец, они приковали к себе молчаливое и настойчивое внимание ЕС и всей Европы.

Значимость событий отразилась во всплеске внимания к ним средств массовой информации как в России, так и в Эстонии.

Российские СМИ создали довольно специфическое пространство дискурса, состоящее из нескольких основных конструктов:

- ядро событий определяется словами «снос», «демонтаж», вынесенными в заголовки статей («Главная реформа — снос Бронзового солдата», «У Бронзового солдата все меньше шансов выжить», «Эстонский премьер нашел оправдание сносу Бронзового солдата», «Демонтаж Бронзового солдата обошелся Эстонии почти в полмиллиона евро», «Несносный снос» и др.) [см.: Зорина 2007а, 2007б; Звегинцев 2007а, 2007б];
- действия эстонских властей оцениваются как акция, направленная на умаление значения праздника Дня

Победы, оскорбляющая роль борцов с фашизмом, как проявление фашизации Эстонии [см.: Киселев 2007; Премьер и президент Эстонии отказались встречаться со Шредером 2007; Холмогорова 2007];

- демонстрируется радикальное несогласие официальной России с решением эстонских властей по ситуации вокруг памятника [см., например: Зорина 2007в, 2007г; Эстонская полиция разогнала защитников Бронзового солдата 2007; Lavrov Lambasts Estonia's Removal of War Memorial 2007; Tensions Flare Over Soviet Memorial 2007; Don't Buy Estonian Goods, Ivanov Says 2007].

В целом дискурс российских СМИ предлагает видеть в конфликте чуть ли не прямое продолжение войны против фашизма, где «хорошие ребята», отстаивающие неприкосновенность памятника, встали на борьбу с «плохими ребятами», представляющими взгляды «фашистских оккупантов». Исходная позиция предлагаемого восприятия опирается на традиционное для эпохи СССР безоговорочное признание освободительной миссии Красной армии в Эстонии как еще одного шага к победе над фашистской Германией.

Официальные эстонские СМИ тоже описывают ситуацию как конфликт «плохих» и «хороших ребят», где «плохие» — это те, кто препятствуют исполнению решений легитимного правительства, а «хорошие» — это все законопослушные граждане Эстонии. Исходная позиция данного восприятия связана, кроме темы законопослушания, с нарративом эстонского правительства в изгнании, функционировавшего в 1953–1992 гг. в Норвегии, Германии, Швеции [Vahur 2005]. В свете этого нарратива действия Красной армии на территории Эстонии в период

Второй мировой войны воспринимаются как действия «оккупантов».

Представление о дискурсе исторических дебатов дают Интернет-форумы. Например, на форуме «City Paper» дискуссиант «Truth» выражает одну из типичных позиций: «Русский монумент Неизвестному солдату — это память в честь всех солдат, что погибли в войнах. Солдаты не начинают войн, их начинают политики. Но эстонцы видят в нем символ оккупации, нонсенс?! Двойной стандарт?» [Truth 2007]. Дискуссиант «Anaconda», оппонируя Truth'у, выражает другую типичную точку зрения: «Таллинский мемориал — это памятник и захоронение Советских воинов, что погибли под Таллином за несколько дней до третьей оккупации Эстонии. Цель постановки монумента была четко определена Советскими властями в Таллине, о чем я уже дал исчерпывающее документальное подтверждение на этом форуме (орфография оригинала. — *Ред.*)» [Anaconda 2007]. В этой части публичных дебатов вопрос о том, кто был «оккупантом», а кто «освободителем» Эстонии, поставлен ярче и острее, чем в официальных СМИ. Это лишь заостряет столкновение противоположных точек зрения.

Парадокс медиа-дискурса состоит в том, что и в российской и, как представляется, в эстонской версии он воспроизводит нечто вроде гражданской войны между «плохими парнями» и «хорошими парнями», но рациональных оснований, позволяющих понять, где же плохие, а где хорошие, не предлагает. Читатель/слушатель попадает в смысловой тупик, в котором впору послушаться старого, как сама философия, совета Зенона Элейского: отказаться от попыток разумного понимания предметов и довериться чувствам. Такой финал, вероятно, хорош для медиа-бизнеса и популистских политических лидеров, но абсолютно

не годится для публичной политики, ориентирующейся на гражданское согласие. Дерационализация публичной политики в конфликтах такого рода провоцирует их сохранение в латентном состоянии и обрекает на вероятное повторение в другом месте и в другое время — тем более, что сходные проблемы существуют и в других странах новой и старой Европы [Онкен 2005]. Так, в Украине активно дебатировалась тема предоставления статуса ветерана войны бывшим бойцам Украинской повстанческой армии (УПА) [РИА Новости: Реабилитируют ли бандеровцев? 2005]. В Польше была закрыта российская экспозиция в мемориальном комплексе Освенцима: «Атташе по культуре польского посольства в Москве Малгожата Шняк заявила, что против российской экспозиции выступает администрация музея, так как ее содержание входит в противоречие с другими национальными экспозициями в Освенциме» [Польша убрала русских из памяти... 2007]. То же происходит и в связи с другими эпизодами этого периода, например, с проблемой нейтралитета Ирландии [О’Дрисколл 2007: 112–139].

Но одна ключевая проблема не попала в поле медиа-дискурса. Конфликт вокруг монумента выявил *изменения структур живой коллективной социально-исторической памяти* о периоде Второй мировой войны: структуры коллективной памяти пришли в движение более чем через полвека после самих событий. Бытует представление, что за 60–80 лет структуры коллективной социально-исторической памяти «застывают», «каменеют», теряют способность порождать социально-политические движения. Однако события на Тынисмяги показали, что поле памяти способно приходить в движение, активизироваться и через шесть с лишним десятилетий после окончания войны. А значит, все ранее стабильные и

хрестоматийные сегменты коллективной памяти о событиях Второй мировой войны могут стать предметом переосмысления, перемещения, перезахоронения, переименования или переписывания. Там, где вчера все было спокойно, сегодня-завтра может возникнуть конфликт, если структуры коллективной социально-исторической памяти придут в активное движение в рамках той же модели, что проявилась в событиях в Эстонии. Нельзя исключать, что источником социально-политических напряжений со временем могут стать мемориалы в честь советских воинов в других странах Европы, проблема «предателей» и жертв репрессий в России периода Великой Отечественной войны и после нее, проблема Холокоста и многие другие. В этой связи большой интерес вызывают методы исследования и концепты, применяемые в русле *memory studies*, — они и представляются наиболее адекватными характеру проблемы.

Геосубъектные корни новой волны *memory studies*

Начало XXI в. отмечено новой волной интереса к *memory studies* — некоторые авторы определяют его даже как «*memory boom*» [История и память 2006: 17]. Первые исследования, заложившие концептуальные основы современных *memory studies*, относятся к концу XIX — началу XX вв. Это, прежде всего, работы А. Бергсона («Материя и память», 1896 г. [Бергсон 1992: 160–316]), М. Хальбвакса («Социальные рамки памяти», 1925 г. [Halbwachs 1992]) и создателя психоаналитической теории З. Фрейда. Хотя каждое из их произведений послужило катализатором возникновения разнообразных идей и концепций, они не стимулировали широкой волны исследований по специфическим проблемам исторической памяти.

Работы по этой тематике, периодически появлявшиеся на протяжении 1900–1980-х годов, создавались в русле исторической науки (Ф. Ариес, Ж. Лефевр, Ф. Фюре, П. Нора и др.), культурологии (М. Фуко, Ф. Йейтс и др.), психоанализа (К. Юнг и др.) и не складывались в более-менее оформленное общее течение. В 1990–2000-е годы поток публикаций, посвященных проблемам коллективной исторической памяти и коммеморации, начал расти как снежный ком. В задачи настоящей статьи не входит подробный историографический анализ, тем более что частично это уже проделано в коллективной монографии «История и память» [История и память 2006: 5–55]. Нас же интересуют причины интереса к *memory studies* как в Европе, так и в России.

Думается, такой интерес к исследованию коллективной социально-исторической памяти связан, в числе прочего, с тем, что Европа сегодня переживает *процесс создания* Европейского союза, а Россия и ряд других стран в 1990-х годах пережили *процесс распада* СССР, Югославии, Чехословакии. Два разновекторных геополитических процесса создают новое геосубъектное пространство, выводят на арену геополитических, геоэкономических и геокультурных отношений новые состояния коллективной субъектности. Новая коллективная субъектность этой большой группы стран, образующих, кстати, особый каркас в системе отношений «Восток–Восток», возникает вследствие изменения их геополитической, геоэкономической и геокультурной миссии, национального менталитета, национальной идентичности, национального самосознания, национального себя-именования и себя-представления в для-других и в для-себя отношениях.

Кроме того, в 1970-е годы геосубъектное пространство, коллективная субъект-

ность европейских стран трансформировались под влиянием глобальных процессов. «Некогда национальное государство охраняло свои территориальные и социальные границы с подлинно невротическим рвением, — пишет Ю. Хабермас. — Сегодня эти заслоны давно уже прорваны процессами, неудержимо преодолевающими любые границы» [Хабермас 2001: 219]. Отсюда, по его мнению, и сложные трансформации в соотношениях между нацией, государственным суверенитетом, правовым государством и демократией. Так, проблема новых независимых государств в том, что эти, часто искусственно возникшие территории «получили внешний суверенитет, не располагая в то же время эффективной государственной властью» [Хабермас 2001: 265]. «Старым» государствам Европы также не приходится беззаботно наслаждаться благами цивилизации. Напротив, «ввиду тех возросших глобальностей, которые помимо желания мировых наций уже давно объединили их в некую мировую общность, возникает практическая необходимость в создании политически дееспособных учреждений на наднациональном уровне. ...Как свидетельствует пример Европейского союза, при этом возникают опасные проблемы в легитимации. С появлением новых еще более удаленных от своей основы организаций, подобных брюссельской бюрократии, растет перепад между составляющими свои собственные программы органами власти и системными сетевыми переплетениями, с одной стороны, и демократическими процессами — с другой» [Хабермас 2001: 262]. В частности, актуальна дискуссия о том, является ли источником легитимности Европейского союза воля «общеевропейского народа» или у нее какие-то другие источники [Хабермас 2001: 264–265]. Сам

Хабермас считает: «...позднейший интеграционный сдвиг к постнациональной социализации зависит не от некоего “общеевропейского народного субстрата”, но от коммуникационной сети общеевропейской политической публичности, которая входит в состав общей политической культуры, носителем которой является гражданское общество с его союзами по интересам, негосударственными организациями, гражданскими инициативами и движениями, и на арене которых политические партии могут непосредственно ссылаться на решения европейских институтов и путем создания фракционных объединений развертываться в единую европейскую партийную систему» [Хабермас 2001: 267]. Иными словами, новое геосубъектное пространство Европейского союза — это сложный продукт многоканальных коммуникаций различных социальных акторов. В их числе присутствует и государство, но его характер для-себя и для-другого отношений существенно меняется. В то же время полем активности новых субъектных социальных сил является «общеевропейская политическая публичность», и она также предъявляет к коммуницирующим акторам серьезные требования. В этом плане эпизод с переносом памятника советским воинам тестирует как импульсы новой субъектной активности, так и состояние общеевропейской политической публичности, в частности, состояние публичной/коллективной истории.

Новые субъектные особенности европейских стран — это не только изменение внешних форм коллективного поведения, но и изменение, если можно так сказать, коллективной экзистенции страны и населяющих ее коллективных акторов. По существу, можно говорить о «мутации социальной анатомии и физиологии» стран,

образовывавших послевоенный европейский мир 1945–1990-х годов, — мутации, в результате которой этот мир заселяется новыми субъектными «единицами», новыми коллективными акторами, появившимися на свет в 1990–2000-х годах. Все они уже вступили на путь субъектного роста (социализации), ключевые аспекты которого были концептуально описаны в русле феноменологии (и социального конструктивизма). Феноменология, если следовать логике Э. Гуссерля, утверждает, что, переосознавая себя, субъект проходит через состояние феноменологической редукции, состояние конституирования интенционального предмета и состояние конституирования другого. (Правда, Гуссерль анализировал индивидуального познающего субъекта, но его философский концепт адекватен и по отношению к субъектности коллективного актора и, в частности, к проблеме коллективного исторического знания.) Признаки присутствия этих процессов в коллективном поведении системы власти в России были описаны нами в отдельной статье [Дахин 2006: 29–41], но аналогичные процессы идут и в других странах, образующих систему отношений «Восток–Восток».

«Картезианские размышления» Гуссерля позволяют достаточно ясно понять причины и ход субъектного себя-переосмысления в проекции на импульсы к переосмыслению «своей» коллективной истории. Следуя за логикой Гуссерля [Гуссерль 1998: 54–56], причинами субъектного феноменологического транзита следует признать: 1) распад «единого» исторического нарратива и новое разнообразие коллективных представлений об истории; 2) кризис социального доверия в поле социальных коммуникаций и коммеморации; 3) стремление к обновлению, «радикализм начинающего философа»; 4) кризис социальной ответственности в

поле социальных взаимодействий и коммеморации; 5) стремление к новой жизнеспособной публичной «своей» истории.

Наиболее значимый элемент происходящей «феноменологической реорганизации» — изменение отношения к «своим» социальным коммуникациям (в том числе и к практикам коммеморации). Первую фазу этого процесса Гуссерль называл «феноменологической редукцией». Он определял ряд ее характеристик, из которых мы выделим одну: феноменологическая редукция призвана защитить мышление мыслящего от всего, что может подпасть под сомнение. «С радикальной последовательностью, устремленной к цели абсолютного познания, он (мыслящий. — А.Д.) отказывается признавать в качестве сущего что бы то ни было, что не *защищено от любой мыслимой возможности подпасть под сомнение*» [Гуссерль 1998: 52]. В поле коллективного исторического знания это проявляется как в виде всплесков ортодоксального фундаменталистского «патриотизма» в историческом познании, так и в виде исторического агностицизма или гиперкритики классических исторических нарративов («новая хронология» А. Фоменко, Г. Носовского и др.).

Те же признаки, выраженные в большей или меньшей степени, можно обнаружить в коллективном поведении систем власти и гражданских сообществ стран, образующих структуру европейских отношений «Восток–Восток». Социальный конструктивизм, утверждающий идею развития субъекта через его социализацию в системе отношений с другими, позволяет оценивать происходящие изменения как состояние обретения/конструирования себя через конструирование отношений с другими. Нетрудно показать, что и феноменологический транзит, и социальное конструирование

новых субъектных единиц затрагивает коллективную социально-историческую память меняющихся страновых сообществ — достаточно отметить, что во всех странах Европы в последние пятнадцать лет существенно поменялись тексты школьных учебников по истории, и изменения школьного исторического нарратива продолжают.

Таким образом, ключевые причины явления, которое исследователи называют «memory boom», связаны с глубинными преобразованиями публичной стороны коллективной субъектности, со становлением в Европе новой структуры публичных межсубъектных и внутрисубъектных отношений. Публичный характер отмеченных мутаций коллективной субъектности наделяет исключительной значимостью не академическую историческую науку саму по себе, но структуры коллективной социально-исторической памяти, «народное», как говорили раньше, историческое сознание. Ведь именно они являются основой коллективного исторического знания и практик коллективной коммеморации.

Этот достаточно общий взгляд представляется, тем не менее, важным для анализа точечных событий вокруг «Бронзового солдата» в Таллинне. Он, в частности, позволяет подчеркнуть характерную особенность социо- и геокультурного контекста: данные события — проявление более общих геокультурных сдвигов коллективной субъектности европейской культуры, подобно тому, как точечное землетрясение или извержение вулкана есть проявление более масштабных геологических движений.

Memory studies: актуальные концепты

Чтобы подобрать инструментарий для анализа событий вокруг «Бронзового сол-

дата», нужно выделить актуальные теоретические подходы, сформировавшиеся в поле *memory studies*. Прежде всего, следует назвать подходы, возникшие в русле исторической науки. Один из таких подходов был задан книгой М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» (1925 г.) [Halbwachs 1992]. Хальбвакс определял коллективную память в качестве особого сегмента исторического знания, существующего отдельно от академического исторического знания. Он показал, что коллективные представления о прошлой истории являются одним из ключевых ресурсов формирования внутренней коллективной самоидентичности сообществ, благодаря которой утверждается и поддерживается их социокультурная дифференциация, социокультурное разнообразие. В то время его внимание было направлено не на связь памяти и истории, а «на проблему движущих сил самой памяти». Проблемой памяти в ее связи с историческим знанием исследователь заинтересовался, по-видимому, лишь незадолго до своей смерти в Бухенвальде в 1945 г. [Хаттон 2003: 193–194].

В работах Хальбвакса оформлено еще одно важное понятие — понятие «*коммеморации*», определяющее многочисленные способы закрепления, сохранения и передачи в обществе памяти о прошлом [Halbwachs 1980: 82]. Это очень важный концепт, в свете которого коллективную память невозможно связывать только с психологией, пусть даже и коллективной, или только со знанием. Специфика коллективной памяти в том, что она непосредственно связана с групповыми или массовыми действиями людей, которые подчиняются определенным правилам, проходят по определенным маршрутам, создают определенный хореографический, звуковой, пластический рисунок и «декорации», фон для этого рисунка. Коммеморативное

действие настолько прочно связано с коллективным историческим знанием, что даже малейшее изменение рисунка, маршрута движения или его декоративного убранства меняет смысловую наполненность исторического знания. Коллективное действие представляет собой форму коллективного памятования о предшествующей истории, и чистое «знание» — только часть всего комплекса памятования, включающего актуальные переживания эмоциональных состояний, организационные отношения и субординацию, этикет общения, — все то, что называют «духом» памяти.

В основе коммеморативного поведения лежит так или иначе понимаемое *коммеморативное задание* — совокупность обязательств памяти сообщества по отношению к предыдущим поколениям и к своей предшествующей истории. Это задание считается в сообществе обязательным к исполнению и отражает культурную связь действующего сообщества с «предками», с конкретными событиями прошлого, которые подлежат реконструкции в настоящем.

Живая коллективная память существует, таким образом, только в форме коллективного коммеморативного *действия*. Без этой формы (то есть, если коллективное действие исчезает/запрещается) комплекс коллективной памяти распадается на сотни индивидуальных знаний о прошлом (устных или письменно зафиксированных), с одной стороны, и на множество материальных памятных мест, к которым «заросла народная тропа», с другой.

Важность изучения материального компонента коллективной памяти обоснована в работах французского ученого П. Нора. Развивая идеи Хальбвакса, Нора фокусировал внимание на концепте «мест памяти» («*les lieux de mémoire*»), который указывает на предметно-материальное ядро, центр

коммеморативного действия. «Место памяти» Нора определяет как последний след памяти сообщества, остающийся после того, как распались само это сообщество и его коммеморативные практики. Исследования «мест памяти» выявляют географию коммеморативной активности, точки ее концентрации, плотность покрытия территории сообщества сетью практик коллективного памятования. Акцентируя внимание на «месте», Нора подчеркивает, что конкретные географические точки маркируются коммеморативными практиками и обретают в силу этого исключительную духовно-символическую значимость. Значимость эта базируется не на каких-то «объективных свойствах» территории, а на том, что она представляет собой территориальную часть коллективного коммеморативного комплекса данного сообщества. В основе ценностного отношения к «месту памяти» лежит, таким образом, структура «сообщество — коммеморативное задание — коммеморативное действие». Там, где эта структура существует, «места памяти» жестко выделяются в окружающем бытовом пространстве как нечто священное, вечное и — может быть, самое главное — неприкосновенное. Завет неприкосновенности, заповедности окружает «место памяти» и невидимым контуром очерчивает его границу. Если названная структура ослабевает или распадается, то материальные объекты коммеморации утрачивают связь с местом, могут отделяться от материнского исторического лона и переноситься на другое. Так стало возможным перемещение из Франции в Россию могилы А. Колчака, так становится возможным перемещение исторических построек с исконных мест в специальные архитектурные музеи под открытым небом и т.д. Напротив, сохранение полноценной

коммеморативной структуры может навечно закреплять статус заповедности за территорией, на которой, возможно, даже не осталось никаких аутентичных материальных объектов культуры. Яркий пример — легендарная территория ушедшего под воду Града Китежа (озеро Светлояр на территории Нижегородской области). Концепт «места памяти», таким образом, позволяет понять природу неприкосновенности/прикосновенности заповедных территорий, адекватно оценивать социальный потенциал таких мест и разрешать возникающие в связи с ними конфликты.

В русле социологических исследований идеи Хальбвакса развила Я. Зерубавель [Зерубавель 2004]. Она, в частности, акцентировала внимание на связи особенностей коммеморативных действий со стремлением независимых сообществ публично заявлять, манифестировать собственные ключевые отличия. Это новый аспект, который представляет коллективное памятование в качестве части имени сообщества (если понимать «имя» в духе определений А. Лосева [Лосев 1991]), а коммеморативные практики сообщества — в качестве элемента процесса коллективного себя-именования. Будучи элементом идентичности сообщества, коллективная память встроена в актуальную культурную ткань, посредством которой сообщество выделяет себя из социальной среды. В этом качестве коммеморативные практики приобретают новый оттенок неприкосновенности, поскольку неприкосновенными и заповедными являются имя и все ключевые отличия, с помощью которых люди поддерживают свою коллективную индивидуальность, выраженную через имя. Второй крупный концепт Я. Зерубавель отражается в термине «контрпамять». Первым этот термин использовал М. Фуко, но в работах Я. Зерубавель дано развернутое

понимание неоднородности поля коллективной памяти с точки зрения представленных в нем исторических нарративов. В типичной ситуации XIX – первой половины XX вв. в нем доминировал нарратив, имевший статус официального. Все остальное разнообразии нарративов целенаправленно маргинализировалось, вытеснялось, за-прещалось. В итоге формировалась единая национальная история, в русле которой развивалась официальная историческая наука. Хорошей иллюстрацией может служить советская история периода «Краткого курса ВКП(б)».

Ситуация начала меняться под влиянием социально-экономических и геокультурных процессов конца XX в., когда началась эмансипация меньшинств и маргинальных социальных групп, маргинальных страт культуры и науки. Запрещенные нарративы и апокрифы истории стали получать равные с «официальной наукой» публичные права и порождать версии истории, контрарные по отношению к «официальной». Такие контрарные формы коллективного памятования Я. Зерубавель и определила термином «*контрпамять*»: «Альтернативную повествовательную модель, прямо противоречащую общей повествовательной конструкции и существующую вопреки подавляющему превосходству последней, мы определили как “контрпамять”. Как предполагает этот термин, “контрпамять” в силу самой своей природы — память оппозиционная, враждебная господствующей коллективной памяти, обладающая подрывным потенциалом» [Зерубавель 2004].

Отметим еще один важный концепт, выдвинутый в русле *memory studies* и обращающий на себя внимание в свете анализа событий вокруг таллиннского «Бронзового солдата». Речь идет о корректировке представлений о линейном характере социаль-

ной истории, которую дал Э. Зерубавель. Опираясь на исследования коллективной памяти, он показал, что историческое время социального прогресса обязательно включает в себя интенсивные циклические процессы, приводимые в действие структурами коллективной социально-исторической памяти [Zerubavel 1985]. Отсюда — предсказуемость возврата публичного внимания сообществ к переосмыслению своих «исторических корней». Один из примеров такого возврата был представлен П. Хаттоном, изучавшим отношение французов к событиям Великой Французской революции [Хаттон 2003: 304–348].

Литература по коллективной исторической памяти о периоде Второй мировой войны также достаточно обширна и содержит, в числе прочего, дискуссии о различиях коллективной исторической памяти о войне в России и в Западной Европе. Сошлемся на содержательную статью итальянской исследовательницы М. Ферретти с символическим названием «Непримиримая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему» [Ферретти 2005]. Вот что она пишет: «...в странах Западной Европы по целому ряду причин ... память о войне была выстроена и положена в основу национальной идентичности разных стран, чтобы передать и укрепить в сознании людей те ценности свободы и демократии, которыми питался антифашизм и во имя которых он сражался, иначе обстояло дело в Советском Союзе. Здесь память о войне была выстроена так, что на первом плане оказывалась не борьба за свободу, но героизм советского народа. Воспевалась возрожденная национальная мощь России, вновь обретенное величие Государства и заслуги его непогрешимого главы — Сталина. Другими словами, память о войне стала сначала в Советском

Союзе, а потом в России носителем не демократических ценностей антифашизма (и здесь многое можно было бы сказать в связи с увеличившимся в последние годы числом ревизионистских подходов, которые сводят антифашизм к одной только “длинной руке” Москвы), но носителем традиционных националистических ценностей, которые, будучи вплетены в ткань социалистической риторики (так, миф о Москве — третьем Риме преобразовался в миф о спасительной миссии СССР, первого социалистического государства, по отношению ко всему человечеству), постепенно образовали идеологический костяк режима» [Ферретти 2005].

В качестве одной из заключительных ремарок Ферретти выделяет аспект, в котором просматривается сходство исторической памяти в России и на Западе. Он состоит в появлении «в самом начале 1990-х годов исторического ревизионизма, достаточно близкого к аналогичному явлению на Западе (примером может служить Суворов), ревизионизма, который проповедовал принципиальное равенство двух противоборствующих лагерей и призывал к своеобразному умиротворению памяти, основанному на сближении жертв обеих сторон, базирующемуся на осознании жестокости соответствующих тоталитарных режимов и призыве “давайте любить друг друга” (достаточно вспомнить о предложениях поставить памятники нацистским солдатам, включая СС). Конечной точкой этого процесса была реабилитация коллаборационизма, начавшаяся опять же в этот период с переоценки Власова и его армии, в которых стали видеть настоящее войско освободителей» [Ферретти 2005]. Этот аспект наиболее интересен для нашего рассуждения, так как касается коллективного исторического нарратива о самой войне,

о структуре боевых действий — нарратива, который не является однородным и содержит элементы контрпамяти. В целом же Ферретти делает акцент не столько на коллективной памяти о самой войне, сколько на коммеморативном ресурсе национальной идентичности и национальной социально-политической мобилизации в России и в Западной Европе, что весьма характерно для западноевропейского дискурса.

* * *

События вокруг Таллиннского монумента показали, что в поле коллективной памяти о Второй мировой войне присутствуют различные нарративы. Это разнообразие связано с тем, что в тот период одновременно шли несколько войн. Следует различать Вторую мировую войну и Великую Отечественную войну. Они имеют разные даты начала и завершения: Вторая мировая война — 1 сентября 1939 г. и 8 мая 1945 г.; Великая Отечественная война — 22 июня 1941 г. и 9 мая 1945 г. Несовпадение последней даты, исчисляемое одним днем, — это существенное несовпадение, которое подчеркивало различие двух войн и подчеркивает теперь различие форм коллективной памяти о событиях того периода. Отсюда берет начало первая конфликтная коллизия, связанная с попытками позиционировать Таллиннский монумент по отношению к этим двум войнам. Четкого ответа на вопрос, к какой войне относится этот памятник, нет, его только пытаются найти. Например, газета «Москоу Таймс» утверждает, что это монумент солдатам Красной армии, одержавшим победу во Второй мировой войне [Thousands of Flowers Laid at Estonian Statue 2007: 4]. На эту двойственность указывает и историк А. Даниэль: «Для нас война 1941–1945 — это война против *варварского*

иноземного нашествия, война за спасение России от гибели, счастливо совпавшая, к тому же, со Второй мировой — войной против нацизма. Для нас ребята, которые похоронены на Тынисмяги, — это солдаты Великой Отечественной и Второй мировой, солдаты, воевавшие против Гитлера» [Российский историк 2007]. Наконец, официальная Россия подчеркивает некоторую «общечеловеческую», как выразился Даниэль, точку зрения, заключающуюся в исполнении антифашистской миссии, но, в то же время, воспринимающую коммеморативные действия исключительно в привязке к дате 9 мая, то есть к контексту Великой Отечественной войны. Напротив, официальные эстонские власти актом переноса памятника и изменением его декоративного убранства (на новом месте в оформлении статуи нет ордена Отечественной войны) демонстрируют стремление ввести коммеморативные действия в рамку 8 мая и, соответственно, в контекст Второй мировой войны.

Есть еще один «разлом» этой войны. Дело в том, что Вторая мировая война порождала локальные *гражданские войны*, в подоснове которых в более или менее явной форме присутствовало коммеморативное задание «Великой октябрьской революции» 1917 г. Одни граждане европейских стран, втянутых в войну, поддерживали позицию своего официального/буржуазного правительства, другие присоединялись к силам, которые воевали с этим правительством от имени пролетариата. В результате под «зонтом» мировой войны на территориях европейских государств разворачивались локальные боевые действия в защиту позиций официального правительства и боевые действия, направленные на то, чтобы нанести поражение своему правительству. Такие политические гражданские войны «за коммунистов» и «против коммунистов» про-

исходили и на территории Германии (антифашисты и коммунисты против фашистов и капиталистов), и на территории Советского Союза (власовцы против Красной армии). Для СССР коммеморативное задание революции и, соответственно, традиция отношения к позиции правительства в период войны имеют важную особенность: тезис о необходимости поражения своего/буржуазного/антинародного правительства в войне был одним из ключевых в истории русского большевизма времен Первой мировой войны. Эта ленинская идея начала XX в. как нельзя лучше отражала социально-политическую природу локального преломления мировой войны в войну гражданскую. «Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира», — писал В. Ленин в ноябре 1917 г. [Ленин 1962: 16]. А вот несколько цитат из работы другого авторитетного политика той советской когорты — Л. Троцкого (лето 1917 г.): «Программа мира — для нас — есть программа международной революционной борьбы руководимых пролетариатом трудящихся масс против правящих классов»; «...международный пролетариат еще в разгаре этой войны подымется с такой силой, что парализует, приостановит войну снизу»; «в сочетании пролетарской программы мира с программой социальной революции и лежит центр тяжести вопроса» [Троцкий 1990: 225, 131, 133]. Во всем мире внутренние политические противоречия в странах-противниках использовались в интересах достижения военных преимуществ и побед своей страны. Поэтому локальные гражданские войны под общим пологом Второй мировой войны — это особый слой событий и судеб, имевший своих акторов, свои мотивы, приносивший свои жертвы и породивший свои сегменты коллективной

памяти, которые не перемешиваются друг с другом, сохраняя свою самобытность.

Проблемы многослойности коллективной социально-исторической памяти о событиях Второй мировой войны и разнообразия исторических нарративов высветили значимость, прочность связи коллективной памяти с физическим местом, с географией и архитектурно-художественным воплощением знаков памяти. События в Таллинне показали, что «малые архитектурные формы» такого типа не могут рассматриваться только как «сооружения». Их материя является непосредственной частью комплекса коллективной памяти, его духа. Перемещение вещества и перемена физического места таких объектов представляет собой, если можно так выразиться, хирургическую операцию на живой коллективной памяти и требует специальной «предоперационной» подготовки — конечно, если задача избежать социально-политического шока, коллективной психологической травмы осознана и поставлена в качестве неотъемлемого элемента работы со структурами коллективного памятования. Таллиннские события свидетельствуют о том, что надлежащей «предоперационной» подготовки не получилось. На уровне публичной политики все наиболее значимые участники событий вместо «успокоительных» средств использовали «раздражающие», что привело, в конечном счете, к эскалации конфликта и к гибели человека.

Таллиннские события выявили существенное разнообразие форм коллективных коммеморативных действий, которые могут быть «привязаны» к одному «месту памяти». Коммеморативные действия памяти и контрпамяти неизбежно бывают связаны с одними и теми же «местами памяти». Так, в острой ситуации вокруг «Бронзового солдата» одна память приносила к под-

ножию монумента цветы, другая (контр-память) — венки из колючей проволоки и синюю краску. Иными словами, социальное пространство памяти о событиях Второй мировой войны, равно как и исторические нарративы, существенным образом дифференцированы, при том, что физическое место коммеморации одно на всех. По мере сосредоточения однотипных памятников, например, воинам, погибшим в разных войнах, в специальных местах (как это и происходит в Таллинне) проблема возможности/невозможности бесконфликтного сосуществования на этих территориях различных форм коммеморативного действия будет обостряться. Если на новом месте размещения памятников, посвященных событиям Второй мировой войны, не будет выстроен адекватный календарь коммеморативных акций и событий, оно может стать очагом новых социальных конфликтов. Календарная организация ритуалов памяти — важная часть проблемы организации сосуществования на одной территории различных сообществ, затрагивающей возможности публичного выражения ими своей групповой идентичности.

Подводя общий итог, можно более точно сформулировать проблемы, которые вскрылись в конфликтной ситуации вокруг «Бронзового солдата». Во-первых, сложившаяся в 1940–1960-х годах инфраструктура мест и объектов коллективной социально-исторической памяти о событиях Второй мировой войны в Европе и в бывшем СССР вступила в противоречие с современным уровнем социального разнообразия и социальной дифференциации на этой территории. Инфраструктура «мест памяти» не развивалась, тогда как структуры живой коллективной социально-исторической памяти менялись вместе с изменением европейского геосубъектного и геокультурного

пространства. Во-вторых, публичные политики, истеблишмент Европы и постсоветских государств оказались нечувствительны к этому несоответствию и противоречиям коллективной памяти. Они воспринимают конфликтные ситуации исключительно в

качестве «актуальных actions» с примесью экстремизма, расизма, сексизма, фашизма или антифашизма и используют их энергию для решения текущих политических задач, таких, как победа на выборах, поддержка духа патриотизма и пр.

примечания

Бергсон А. 1992. Материя и память // Бергсон А. Соч. / Пер. с фр. В 4-х т. Т. 1. М.: Московский клуб.

Гуссерль Э. 1998. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, Ювента.

Дахин А.В. 2006. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // «Полис», № 3.

Демонтаж Бронзового солдата обошелся Эстонии почти в полмиллиона евро. 2007 // «Известия», 28.05.

Звегинцев В. 2007а. Несносный снос: Эстония и Россия: политики смотрят на бронзового солдата с диаметрально противоположных сторон. 24.01: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2007/01/24/politic/90313/>

Звегинцев В. 2007б. Таллинский памятник снесут в марте. 16.02: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2007/02/16/politic/91828/>

Зерубавель Я. 2004. Динамика коллективной памяти // «Ab Imperio», № 3.

Зорина Е. 2007а. Главная реформа — снос Бронзового солдата. 2007. 05.03: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=115293>

Зорина Е. 2007б. У Бронзового солдата все меньше шансов выжить. 19.04: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=115655&tid=43650>

Зорина Е. 2007в. Эстония нагнетает. 18.04: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=115754&tid=43650>

Зорина Е. 2007г. Эстония: власть на троих. 03.04: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=115586&tid=43650>

История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. 2006 / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг.

Киселев М. 2007. День Победы по-эстонски. 08.05: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=120263>

Ленин В.И. 1962. Доклад о мире 26 октября (8 ноября). Второй Всероссийский съезд Советов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Политическая литература.

Лосев А.Ф. 1991. Философия имени. М.

О’Дрисколл М. 2007. Примирение с Англией: ирландский нейтралитет, политическая идентичность и народное сознание // Россия — Ирландия: Коллективная память. М.

Онкен Э.-К. 2005. От истории освобождения к истории оккупации. Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // «Неприкосновенный запас», № 2–3 (40–41).

Польша убрала русских из памяти об узниках фашистских концлагерей. 2007. 03.04: <http://www.inforos.ru/?id=17860>

Премьер и президент Эстонии отказались встречаться со Шредером. 2007 // «REGNUM», 30.04: <http://www.regnum.ru/news/821191.html>

РИА Новости: Реабилитируют ли бандеровцев? 2005. 17.05: <http://www.korrespondent.net/main/121652>

Российский историк: Проблема в том, как жить рядом двум народам с такой разной исторической памятью [Комментарий А. Даниэля к событиям вокруг переноса монумента

Воину-освободителю в Таллине]. 2007 // «REGNUM», 04.05: <http://pda.regnum.ru/news/issues/823273.html>

Троцкий Л.Д. 1990. Програма мира // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.

Ферретти М. 2005. Непримиримая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // «Неприкосновенный запас», № 2–3 (40–41).

Хабермас Ю. 2001. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Д.В. Складнева; под ред. Ю.С. Медведева. СПб.:

Хаттон П. 2003. История как искусство памяти / Пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб.: Изд-во «Владимир Даль».

Холмогорова В. 2007. Москва протестует // «Эксперт Online», 28.04: <http://www.expert.ru/articles/2007/04/28/estmos/>

Эстонская полиция разогнала защитников Бронзового

солдата. 2007 // «Известия», 27.04.

Эстонский премьер нашел оправдание сносу Бронзового солдата. 2007 // «Известия», 16.05.

Anaconda. Joined: 02 May 2007. Posts: 303. Location: Tallinn // City Paper: <http://www.balticsworldwide.com/forum/viewtopic.php?p=2076&sid=ef0c78e93a0c50d067c915041d30c7e0>

Don't Buy Estonian Goods, Ivanov Says. 2007 // «The Moscow Times», 04.04.

Halbwachs M. 1980. La Mémoire collective [1950] // Halbwachs M. The Collective Memory / Transl. by F.J. and V.Y. Ditter. N.Y.: Harper & Row Colophon Books.

Halbwachs M. 1992. Les cadres sociaux de la mémoire [1925] // Halbwachs M. On Collective Memory / Engl. transl. and intr. L.A. Coser. Chicago: University of Chicago Press.

Lavrov Lambasts Estonia's Removal of War Memorial. 2007 // «The Moscow Times», 17.01.

Tensions Flare Over Soviet Memorial. 2007 // «The Moscow Times», 25.01.

Thousands of Flowers Laid at Estonian Statue. 2007 // «The Moscow Times», 10.05.

Truth. Joined: 23 May 2007. Posts: 121. Location: Tallinn // City Paper: <http://www.balticsworldwide.com/forum/viewtopic.php?p=2076&sid=ef0c78e93a0c50d067c915041d30c7e0>

Vahur M. 2005. Estonian Government-in-Exile: A Controversial Project of State Continuation: http://www.edk.edu.ee/default.asp?object_id=6&id=30&site_id=1

Zerubavel E. 1985. The Seven Day Circle: The History and Meaning of the Week. N.Y.: Free Press.